

Монастырь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Макарова

Монастырь

«Автор»

2026

Макарова М.

Монастырь / М. Макарова — «Автор», 2026

Он просыпается у странного грота в скале. Без обуви, без телефона, без единого воспоминания о том, кто он и как сюда попал. Пещера манит его загадочным свечением, а в голове звучат два голоса. Один советует войти в свет и забыться. Другой — бороться и вспомнить что-то важное. То, что держит его там, в жизни. Но он не помнит даже своего имени. Только обрывки: женский голос, холод, страх. Он собирает воспоминания по крупицам, блуждая в странном мире, где время теряет смысл, а собственные тени бродят рядом, не замечая его. Пока не всплывает ключевое воспоминание. Телефонный звонок, который расколол его мир на две половины. В одной — она рядом с ним. В другой — её больше нет. И теперь ему предстоит выбрать, в какую из этих реальностей он хочет вернуться. «Монастырь» — это история о человеке, который стоит на пороге между принятием и побегом. И о том, что иногда сделать шаг назад — самое правильное направление.

© Макарова М., 2026

© Автор, 2026

Мария Макарова

Монастырь

Глава I

– И если ты войдёшь в него, то станешь частью его, лишь клеточкой единого организма, совершенного и невообразимого. И выход из него лишь один – смерть.

Голос, звучащий в моей голове, был ровным, пугающе безэмоциональным, а потому смысл произносимого казался абсолютным и неоспоримым, и отдавался внутри головы как монотонный стук тамтамов.

«Да я и не хочу туда заходить!» – кричало всё моё нутро. Я вообще не мог понять, как оказался перед этим странным сооружением — то ли строением, то ли просто входом в пещеру, выдолбленным в скале. Внутри пещеры сновали размытые фигуры людей, окутанные неровным, красновато-жёлтым светом, будто в помещении чадили тысячи свечей. Силясь разорвать глазами сумрак, я пытался разглядеть вход: каменная арка была обрамлена громадными плитами, плоскими, с достаточно ровными краями – явно обработанными вручную столетия назад. На плитах были хаотично выдолблены неизвестные мне древние символы – от них исходил слабый свет. «Да нет, мне это только кажется, не может же камень светиться в темноте. Или может?» Скорее всего, это свет, проникающий изнутри странного грота, разливается во тьме и отражается от рисунков.

– Они говорят с тобой. – монотонно произнёс голос, будто отвечая на мои мысли. – Они уже говорят с тобой.

Словно повинувшись неведомому приказу, мои ноги заскользили в сторону арки. Сознание пыталось сопротивляться, но тело двигалось вперёд вопреки моей воле. Когда символы, выскобленные на серой поверхности валунов, обрели более чёткие очертания, я, уступая пробуждающемуся любопытству, провёл ладонями по шершавому своду, ощупывая рельеф, и с удивлением заметил, что символы источают тепло и что их тусклое мерцание мне не померещилось: «буквы» действительно светились.

– Они уже говорят с тобой. – повторил голос, и в нём послышались нотки одобрения. – Впусти их тепло и стань светом, тебе уже можно.

От этих слов меня прошиб озноб, и, одновременно, я почувствовал, как тепло опутывает мои кисти и запястья, невидимыми паутинками проникает сквозь кожу и сплетается с моими клетками. В ужасе я подался назад, пытаюсь передвигать ватные ноги, стопы путались во влажной траве, руки магнитом тянуло в сторону светящихся изображений незнакомого алфавита на каменных откосах арки. Я стал пытаться отдалиться от входа рывками, с каждым движением чувствуя, что двигаться становится всё легче, пока не достиг примерно того расстояния, где очнулся несколько минут назад. Руки по-прежнему тянуло к свету, но напряжение уже было преодолимым, и я развёл их в стороны, ощущая, как тепло из кистей медленно разливается по всему телу.

Теперь мой взгляд зацепился за вход в пещеру, в нём явно что-то изменилось. Расплывчатые силуэты людей, которые до этого были заняты своими делами, теперь столпились у входа в молчаливом и напряжённом ожидании; они явно заметили меня и наблюдали за моими действиями. Никто из них, однако, не делал попыток выйти мне навстречу или заговорить со мной. Они просто стояли напротив, молчали и чего-то ждали. От этого безмолвного противостояния становилось ещё жутче. Я сделал шаг назад, но отвести взгляд и повернуться спиной даже не приходило в голову. А может, просто было страшно.

Шаг, ещё шаг. Грот медленно отдалялся, фигуры людей смешивались с окружающим их туманным светом, меня же всё плотнее окутывала тьма, ногам становилось холодно.

Тепло от светящихся символов теперь покалывало всё тело и руки изнутри, но магнетизм грота явно слабел; чтобы побороть остатки притяжения, я ссутулил спину и медленно пятился, раскинув руки.

– Борись, у тебя ещё есть время! – бархатисто пропел другой голос, чем на секунду выбил меня из равновесия, и я ощутил, как меня снова притянуло на несколько сантиметров ко входу незримой силой. – Борись, пока есть шанс на освобождение.

Я не знал, о каком времени идёт речь, но слова придали сил, и я снова стал двигаться прочь от каменной обители. «Вырваться из плена!» – стучало в висках. – «Давай же, давай, к свободе!» – приказывал я мысленно своему телу.

– И что же там, на твоей свободе? Оглянись и подумай: а куда ты попадёшь и что там тебя ожидает? – снова заговорил первый, равнодушный голос.

Я машинально оглянулся и оцепенел. А ведь за моей спиной была лишь крошечная тьма! И я совершенно не знал пути. Я не знал, откуда пришёл, куда и почему! Лишь чувствовал тёплое притяжение пещеры и прохладную пустоту тьмы позади. Однако тепло и свет этого места не были мне приятны; этот свет не столько согревал, сколько пугал своей неотвратимостью.

Этой мгновенной заминки хватило, чтобы притяжение овладело моим телом с новой силой. На этот раз я почувствовал, что моё тело парит в воздухе, безвольное, но всё ещё осязаемое. Я напряг мышцы в попытках податься назад, противостоять затягивающей меня воронке. Спина выгнулась. Со стороны я, наверное, напоминал тряпичную куклу на ветру.

Что меня ждёт там, в темноте, я не знал, но идти в этот свет совершенно не хотелось, и я продолжал бороться за свою свободу. Однако чего-то явно не хватало, и я застрял в этом нелепом парении на стыке света и тени, между землёй и чёрной пропастью неба.

– Тебе нужно зацепиться за какое-то важное воспоминание! – вдруг посоветовал бархатный голос. – Что-то, что держит тебя там. Вспоминай и держись. Ты ещё можешь вернуться, время ещё есть. – повторил бархатный.

– Ну и что для тебя там важно? – спросил бездушный.

И я с ужасом осознал, что совсем ничего не помню! Где там? Что там было, что я должен помнить? Кто я вообще? Получается, что в моих воспоминаниях, которые, по мнению бархатного голоса, могут меня спасти, такая же чернота и неизвестность, как и за моей спиной. Тамтамы в голове стали набирать мощь пульсирующими ударами. У меня было только ощущение самого себя, чистое осознание, что я это я, не часть этого леса, не часть той группы людей в пещере, что я отдельно взятый персонаж и что со мной произошло нечто, приведшее к такому повороту событий. Только вот что и где должно было произойти? Я напрягал память, силясь представить хоть что-нибудь, но, казалось, все мои познания о мире ограничивались вот этим местом и этими объектами, которые одни лишь и находились сейчас в моём поле зрения.

«Мне некуда идти», – с какой-то радостной безысходностью понял я. У меня ничего нет, нет никаких воспоминаний, нет никакого якоря, который держит меня в неизвестном мне «там». Я устал, и мне просто хочется, чтобы всё это закончилось, чтобы утихли тревожные звуки тамтамов, чтобы в моей голове прекратился спор двух неизвестных голосов. Я не хочу, в конце концов, оказаться один среди бескрайней ночной мглы, которая окружает сейчас. И вообще, свет – он ведь лучше и безопаснее тьмы – откуда-то знал я. С этой мыслью я вдруг почувствовал, что наконец могу расслабиться, а тянущая меня энергия светящегося грота, почувствовав моё безмолвное согласие, напротив, усилилась, и меня, как лист на ветру, мягко, но настойчиво понесло ко входу. Фигуры ожидающих меня людей приближались, ритм барабанов превратился в монотонный гул и стал стихать. Теперь всему моему телу стало тепло и спокойно, я быстро плыл в воздухе, готовясь узнать нечто такое, чего не мог сейчас даже вообразить. Мне кажется, я даже начал улыбаться. За пару метров до широкого проёма арки меня ещё немного приподняло этим потоком, и я почувствовал, что начинаю сливаться с воздухом и терять ощущение собственного тела. Невидимая волна закручивала меня, как ветер – облако

пыли. «Ветер, пыль...» – откуда-то в памяти стали вспыхивать картинки: дорога вдоль полей, сильный ветер закрутил придорожную пыль в небольшую спираль; я выхожу из машины, и со мной кто-то ещё. Это ощущение присутствия другого существа, такого же, как я; мы снимаем на видео эту уменьшенную копию смерча; нам весело, это я помню, а ещё её голос рядом...

– Становится холодно, пойдём в машину.

Холодно... Ей постоянно было холодно. Я пытался вспомнить хоть один сюжет целиком. Голоса в голове постоянно перебивали мои мысли, смешиваясь с обрывками фраз из воспоминаний:

– С тобой уже говорят, ты слышишь?

– Вспоминай, время ещё есть.

– Тебе уже можно войти.

– Ты не хочешь войти? Выпьем чаю. – её голос.

– Зачем тебе эти воспоминания, впереди свет.

– Ведёшь себя как полный придурок... – сколько боли и обиды в этом выкрике, что же я такое натворил?

– Борись, пока есть шанс.

– Может, просто останемся дома сегодня?

– Ты уже можешь стать светом, они ждут тебя.

– Закрой окно, холодно же...

Картинки сменяли друг друга, но я никак не мог зацепиться хотя бы за одну из них. Казалось, я упускаю что-то важное. Я сконцентрировал взгляд и вдруг понял, что вижу лица встречающих меня людей. Лица! Я узнал некоторых из них! Я знал их! Знал раньше... Когда они жили. Теперь сомнений не осталось – из их мира возврата нет.

– Мне так холодно, Борис, почему так холодно, мне страшно...

В тот же миг я с ужасом осознал, что вспомнил всё. От перехода меня отделяла лишь секунда полёта; я уже понял, почему они не выходили из грота; я рассмотрел мерцающее энергетическое поле, отделяющее внутреннее пространство от внешнего мира. Именно оно и несло меня, готовясь поглотить целиком, принять в компанию ушедших без права выхода. Секунда дикого страха и осознания полной необратимости того, что сейчас произойдёт, страх, смирение, последняя вспышка сознания.

– Янка. – первое и последнее слово, произнесённое мной в этом странном измерении, имя, что только и успел прохрипеть я из последних сил в момент соприкосновения с «порталом».

Яркая, поглощающая вспышка, тёплая волна, искры промелькнули по невидимой стене, сотканной из чистой энергии, и пронзительная боль по всему телу, которое вновь почему-то стало вполне ощутимым. Мощной волной, сопровождаемой электростатическим треском, меня швырнуло назад, в темноту. Я почувствовал упругий удар о почву и покатился по земле, машинально прикрывая руками лицо и голову.

Глава II

– Борис, опять ты открыл окно, холодно, закрой уже.

Она толкнула меня локтем в бок, чем вырвала из крепкого предрассветного сна. Я машинально взглянул на серые часы на стене – 05:13 утра. Подавив ворчание – совершенно бесполезное в данном случае, – я встал и пошёл к окну. Утренний холодок легко шевелил тонкую занавеску. Несколько секунд я постоял, глядя в окно и вдыхая свежий воздух. Серый мир начинал светлеть, ночь постепенно отступала, даже в комнате уже не царила беспроглядная тьма. В голове ещё мешались обрывки сна, и я зачем-то стал собирать их в единый сюжет – что за очередная чушь мне приснилась: я пересекал поле, явно зная эту местность и направляясь к некоему зданию. Не помню, успел ли дойти до него или только нарисовал себе в голове, как оно должно выглядеть. Да к чёрту, сейчас опять дам бесполезным мыслям разогнаться и вообще больше не усну. Я решительно закрыл окно, повернул фиксатор и лёг обратно в тёплую кровать. Янка уже успела намотать на себя всё одеяло, что опять вызвало во мне лёгкое раздражение. Нет, всё-таки надо заказать второе одеяло и спать нормально. Так обидится же и снова запустит в эфир сорокаминутную лекцию о том, как важно для пары сохранять единое пространство, и прочую околобредовую туфту от непревзойдённых «экспертов» по отношениям, вещающих свой гормональный бред с доморощенных каналов по «психологии». Ладно, единство так единство. Я потянул на себя угол одеяла-раздора, отвоёвывая себе право находиться в одном энергетическом поле с женой – всё, как она любит. Потревоженная моей копошней, она заворочалась и сонно забубнила что-то нечленораздельное, но место всё же мне уступила. Я устроился поудобней за её спиной и закрыл глаза, но тут же снова открыл – светло-русый локон теперь щекотал мне лоб. Я мотнул головой, освобождаясь от него. Вот странно, когда-то я обожал эту её привычку окукливаться в одеяло и выставлять стопы наружу. Сердце замирало от умиления над этой немного детской особенностью. Когда же, в какой момент всё так переворачивается в наших сердцах, что потребность в собственном комфорте становится выше обожания? Вот те же волосы. Когда-то я с восторгом любовался и гладил их, её шелковистая густая копна казалась мне золотисто-пшеничной. А сейчас я чаще испытываю недовольство, когда забивается слив душевой кабинки или когда приходится в сотый раз, перед выходом на работу, снимать с чёрного пиджака белые волосинки. Не правы эти умные мадамы из псевдоразвивающих видео, ох, не правы. Единое пространство уничтожает очарование, вот и всё.

В следующий раз я проснулся, когда комната была уже залита светом, с кухни тянуло ароматом кофе, а чёртово окно было распахнуто настежь. Семь утра. Значит, она не спит уже минимум полчаса. Стоило же будить меня в шестом часу утра из-за открытого окна, чтобы через час встать самой и таки открыть его снова! Я встал и побрёл умываться. По пути бросил взгляд в зал – Яна копошилась на лоджии со своими орхидеями, чашка с кофе стояла, как обычно, на подоконнике.

Умывшись, я направился на кухню, где жена уже хлопотала у плиты, наливая мне кофе. Удивительно, как она всегда тонко чувствует, что я уже встал, хотя я совершенно бесшумно прошёл мимо зала, а она была занята своими делами. Я сел на высокий барный стул и залюбовался её плавными движениями. Нет, всё-таки хорошо, что у нас одна территория на двоих. Остатки утреннего недовольства рассеялись, когда она подошла и легко чмокнула меня в висок. Этот её немного материнский жест всегда успокаивал меня, как бы говоря: «Я с тобой, я принимаю тебя несмотря ни на что». Повинуясь порыву, я ухватил её за талию и притянул к себе, кутаясь лицом в свежие ароматы геля для душа, смешанные с запахом цветущих орхидей с балкона. Она хихикнула, потрепала меня по голове и оттолкнулась.

– Пей кофе, пока не остыл. Ты сегодня работаешь?

– Да, мне нужно согласовать две поставки. У тебя какие планы?

– Поеду отправлять заказы с сайта, саженцы уже совсем готовы. Надеюсь, в этом году будет больше клиентов, подписчиков у группы прибавилось. А ещё знаешь что? – она воодушевлённо улыбнулась.

По этим её распахнутым глазам я уже понял, что она скажет, но автоматически уточнил:

– Что такое?

– Сегодня благоприятное время, на этот раз всё совпало как никогда, теперь у нас точно получится. – она обняла меня и уткнулась лицом мне в шею, будто пытаюсь спрятать смущение.

– Вот и отлично.

Я погладил её по волосам и покрепче прижал к себе, зная, как легко можно испортить очарование утра неосторожным словом на эту тему и, не дай Бог, показаться незаинтересованным в теме создания потомства. Не то чтобы мне было всё равно, но я искренне не понимал, почему нужны эти бесконечные графики, подсчёты, циклы и охота на благоприятные и неблагоприятные дни. По мне, так любой день и время суток благоприятны, когда есть свободное время. Да даже когда этого времени нет... Почему нельзя просто жить и наслаждаться друг другом? Был период, когда объявление о наступлении «благоприятного дня» напрочь отбивало у меня желание даже приближаться к жене. В такие моменты я начинал ощущать себя каким-то племенным жеребцом, от которого требуется лишь одно – оплодотворение в соответствии с графиком. А само присутствие пресловутого графика в твоей жизни уничтожало романтику отношений просто на корню, не оставляя даже малейшего шанса на спонтанность порыва. Совершенно неосознанно я начинал искать поводы уехать по работе, неожиданно приходилось срочно сорваться на помощь друзьям, а иногда дело доходило до чистой психосоматики, и я попросту «заболевал» – а даже лёгкая температура расценивалась моей благоверной как абсолютное противопоказание к зачатию. Впрочем, через пару-тройку дней мой загадочный недуг проходил без следа, чем вызывал обоснованную вспышку ярости матери моих будущих детей и приводил к очередному эпизоду бессмысленного и затянувшегося скандала.

Спустя год таких недомолвок мы практически подошли к вопросу развода, но каким-то чудом моя мудрая, но взбалмошная супруга убедила меня обратиться к семейному психологу. Признаю, что этому парню удалось подкинуть мне пару идей о том, как обойти приступы недовольства и отторжения, абстрагироваться от ощущения выполнения обязательств и научиться воспринимать происходящее как игру.

В тот вечер я работал за компьютером в зале, Яна сновала на кухне. Она была в загадочно-приподнятом настроении и что-то напевала себе под нос, а временами замолкала и замирала, словно обдумывая что-то серьёзное. Краем уха я услышал, что у неё зазвонил телефон, но разговора было не разобрать. В этот же момент мне поступил видео-звонок в мессенджере, и я около получаса согласовывал рабочие моменты с поставщиком. Я видел, что Яна несколько раз заглядывала в комнату, явно ожидая, когда можно будет поговорить со мной. Когда я закончил переговоры, она тихонько впорхнула в комнату и, словно робея, села на краешек дивана, повернувшись ко мне вполборота.

– Борис, из клиники звонили, готовы анализы. Я записала нас на завтра. Ты говорил, что свободен почти весь день, ты ведь сможешь поехать?

– Завтра? – задумчиво уточнил я, продолжая заполнять таблицу с накладными. – Да-да, кажется, на завтра нет срочных задач. Конечно, мы поедем. Во сколько нужно там быть?

– В двенадцать.

Она замолчала, но продолжила сидеть, перебирая краешек джинсовых шорт. Ей явно ещё было что сказать. Не желая отрываться от начатой работы и сбиваться с ритма, я решил не задавать вопросов. Через пару минут она сама нарушила тишину.

– Это не всё, Борь. Ты знаешь, я не уверена, но мне кажется, на этот раз у нас получилось.

Я взглянул на жену, мысленно блокируя догадку, но уже зная, что именно у нас получилось.

– Ты хочешь сказать... ты думаешь? – интонация полного дурачка, не иначе.

Она только кивнула. Глаза её блеснули от сдерживаемых слезинок радостной надежды. Я не знал, что конкретно я должен чувствовать в такой момент. Вероятно, если бы ребёнок пришёл в нашу жизнь сразу, как только мы решили, что пора, или даже это случилось бы неожиданно, то я бы ликовал, был растерян, напуган и радостен одновременно. А может и нет, кто ж его теперь знает, как оно могло бы быть. Но после шести лет попыток эта идея превратилась для меня в некий абстрактный проект, и сейчас, когда он начинал обретать черты весьма материальные и фактические, я не был уверен, что всерьёз воспринимаю грядущие перемены в нашей жизни. Чтобы скрыть свою растерянность, я крепко обнял жену; она прижалась ко мне и всхлипнула.

Если бы я только знал, насколько глобальными эти перемены будут для нас уже завтра.

Весь вечер я привыкал к мысли о скором отцовстве. Яна была тиха, она словно хранила свою тайну от внешнего мира, боясь спугнуть её громкими словами или неосторожными жестами. Я старался делать вид, что ничего не произошло, но это молчаливое отдаление начинало напрягать.

– Давай поедem куда-нибудь, отметим это событие? – предложил я наконец.

– Ты знаешь, последние дни я чувствую такую усталость, видимо, организм привыкает.

У меня нет никаких сил собираться и тем более находиться в людном месте. Вот если бы на природу, подышать воздухом.

– Ну так в чём проблема, поехали на реку.

Глава III

Я с трудом открыл глаза, совершенно не понимая, сколько прошло времени. Спал я только что или был без сознания? Во рту было сухо, в голове словно копошился пчелиный рой. Что это, похмелье? Я медленно приподнял гудящую голову и осмотрелся – мир вокруг был залит сероватым светом, незнакомый пейзаж только добавил растерянности. Я что, напился и упал прямо на улице? Прекрасно! Докатился, Боря. Неловко пытаюсь подняться, я лихорадочно собираю осколки мыслей в кучу. Для начала неплохо было бы понять, сколько сейчас времени и где я нахожусь. Вероятно, я шёл из больницы от Яны и решил расслабиться в одном из близлежащих баров и, судя по всему, мне это прекрасно удалось, хотя и совершенно не входило в перечень моих повседневных привычек. Впрочем, в свете сложившихся обстоятельств исключать подобный вариант тоже было нельзя.

Итак, последнее, что я помню, – это свой навязчивый, даже противный сон, будто меня пытается затянуть в себя какая-то пещера в скале. Помню своё сопротивление и лица умерших знакомых людей, которые поджидали меня внутри пещеры. Фу, допился. Я передёрнул плечами, стараясь отогнать видения ночи. Однако, вопреки законам памяти, события «сна» прорисовывались всё ярче и ярче. Наконец мне удалось подняться с земли. Я стал отряхивать серые спортивные брюки от пыли и обратил внимание, что обуви на мне нет. Белую футболку чистить смысла не было – пятна были настолько очевидны, что я похлопал себя по бокам только для очистки совести: мол, сделал всё, что мог, чтобы привести себя в порядок. Так, теперь нужно сориентироваться в пространстве, добраться до дома, принять душ, переодеться и ехать к Яне. Уж она точно не должна видеть меня в таком состоянии.

Я осмотрелся и поёжился. Метрах в пятидесяти от меня находилась та самая гора и та самая пещера из моего сна. Если б на пятках росли волосы, уверен, они бы тоже встали дыбом от ужаса. К счастью, или к сожалению – потому как босые ноги начинали подмерзать, – человечество лишено растительности на данном участке тела.

Не веря ни своим глазам, ни своим ощущениям, я тупо смотрел на злополучный каменный свод и мотал головой. Теперь я ясно помнил каждую мелочь произошедшего здесь ночью сюрреализма, и ощущение у меня было такое, будто я проснулся наутро в пустом доме после шумного праздника – гости разошлись, музыка смолкла. Тишина, одиночество и молчаливый

вход в тёмную пещеру. Я прислушался – да, тишина и вправду стояла абсолютная. Никаких тебе голосов в голове, никаких звуков тамтамов, долбивших ночью мой разум изнутри, ничего. Я плюнул и уверенно направился в сторону входа. Ничего сейчас не тянуло меня внутрь, никакое тепло не исходило от вырезанных на камнях символов. Я ощупал плоские громадины откосов, провёл пальцами по углублениям и трещинам в стенах. Камни были холодными и молчаливыми, как им и полагалось. Вход был, пожалуй, слишком большим для обычной пещеры, над ним явно поработали, чтобы увеличить до размеров больших ворот. Я провёл рукой по воображаемой границе, отделяющей внутреннее пространство от внешнего; никакого энергетического поля, шандарахнувшего меня ночью нехилым разрядом, не было и в помине. Шагнул в проём двери и осмотрелся. Света с улицы хватало, чтобы рассмотреть внутренности помещения. Почти в центре зала, в глубине, перед широкой стеной пещеры, располагалось нечто вроде алтаря. Я двинулся в его сторону по неровному каменному полу, повинувшись уже не сверхъестественным силам, а банальному человеческому любопытству. Возвышение у стены действительно было очень похоже на алтарь – каменная стойка, доходившая мне почти до груди, состояла из монолитного серого камня, как и всё вокруг. Широкая подножка, расширявшаяся у основания, сверху переходила в плоскую подставку для огромной книги. Ложе украшено уже знакомыми мне, вырезанными в камне символами неизвестного алфавита. Интуитивно я провёл рукой по поверхности. Жаль, я не в сказке, и книга, в которой приводились бы инструкции, как выбраться из этого измерения, на алтаре отсутствовала.

Я медленно стал обходить зал пещеры. В центре его не было ничего интересного. Неровный пол уводил вглубь, где по периметру грота стены уменьшались и свод потолка стремился соприкоснуться с землёй. В углы свет почти не проникал. Я по привычке ощупал карманы брюк, надеясь обнаружить там телефон, которого, естественно, там не оказалось, и пошёл в сторону сужения пещеры. По мере того как глаза привыкали к темноте, очертания пространства становились более-менее различимы. Оказалось, что потолок не смыкается с полом, как можно было предположить; свод действительно сужался, мне уже приходилось наклоняться, чтобы двигаться вперёд, но края пещеры представляли собой низкие вертикальные стены, вдоль которых на расстоянии нескольких шагов друг от друга располагались двери! Округлые сверху, обрамлённые выступающим, таким же полукруглым, откосом. И всё это было сделано из того же камня, как и сама пещера. Вот только совершенно непонятно, настоящие ли они, ведут куда-то внутрь или это лишь декоративная имитация. Я машинально надавил на одну из них, перед которой стоял, – ничего. Никакого намёка на то, что дверь подаётся. Поискал пальцами за что ухватиться, ручки на двери не было, и я попытался потянуть дверь на себя, подцепляя её край. Тоже никакого движения. Рассмотреть, сквозная ли щель в стыке двери и косяка, тоже не удавалось – слишком темно. Я ещё раз пожалел, что не прихватил в это незапланированное путешествие свой телефон. В следующий раз, когда решу рехнуться умом и посетить альтернативную реальность, нужно непременно взять хотя бы фонарик.

Кстати, а ведь я так и не вспомнил, куда меня занесло, что случилось и когда вообще это «что-то» произошло. Всё, что я помнил отчётливо, – это события странной ночи, которые не могли быть реальными. Конечно, это был просто-напросто слишком яркий сон, вызванный, вероятнее всего, излишней дозой алкоголя, а сейчас я просто ещё не могу прийти в себя и вспомнить подробности своих перемещений. Но вот что действительно странно, так это то, что я не помнил даже того, где, когда и почему я начал этот алкоголь употреблять. Видимо, я умудрился заработать такой вид амнезии, который стирает из памяти не только само событие, но и часть времени, предшествовавшего ему. Что ж, надеюсь, это временное явление и, когда я немного проветрюсь, то смогу вспомнить, что заставило меня совершить этот вояж на природу.

Я ещё раз осмотрел грот, в котором находился. Молчаливые стены вызывали ощущение какой-то необъяснимой тоски и полного одиночества. Закрытые двери словно намекали на то, что мне здесь не место, меня здесь никто не ждал и вообще будто я опоздал с визитом на

несколько тысяч лет. Что ж, раз так, пора выбираться и искать дорогу домой. Надеюсь, я хотя бы не улетел в пьяном угаре в другую страну, попутно потеряв телефон и документы.

Отряхнув руки от пещерной пыли, я пошёл в сторону выхода. На улице явно стало светлее, хотя солнца так и не было. Плотная облачность обещала серый и пасмурный день. Хорошо, хоть дождь пока не пошёл, не слишком хочется шастать босыми ногами по мокрой лесной траве.

Снаружи было намного свежее, и я с удовольствием вдохнул полной грудью, избавляясь от спёртого пещерного воздуха. Куда идти? Я потряс головой, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь. Хоть малейшую зацепку, как я здесь оказался, с какой стороны пришёл. Ничего. Полный туман. Признаться честно, я был бы рад сейчас даже тем голосам в голове, которые говорили со мной во сне. Хоть какие-то собеседники и советчики. А подсказка мне совсем не помешала бы. Впрочем, оставаться на месте смысла не имело, вряд ли кому-то придёт в голову искать меня в лесу, и я решил идти хоть куда-нибудь.

Осмотрев поляну, я пришёл к неутешительному выводу, что я не смогу найти даже своих собственных вчерашних следов. Видимо, за ночь примятая трава полностью поднялась. Не найдя даже малейшей зацепки, я вернулся к тому месту, где очнулся этим утром. Только сейчас до меня стало доходить, что местность вокруг не была лесом, как казалось мне ночью в кромешной темноте. Редкие невысокие кустарники окружали поляну со всех сторон, само поле уходило вдаль и скрывалось в сером тумане. Единственным отличительным местом рельефа был холм с пещерой. Сначала я подумал было забраться на гору, но быстро понял, что смысла в этом никакого нет, так как туман всё равно помешал бы рассмотреть окрестности, а вероятность того, что вчера я притопал сюда именно через холм, была ничтожно мала, вряд ли бы у меня хватило ловкости в полубессознательном состоянии сначала взойти, а потом ещё и спуститься с вершины, не переломав при этом кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.